

ФИЛОЛОГИЯ

(шифр научной специальности: 10.02.19)

Научная статья

УДК 81

doi: 10.18522/2070-1403-2021-88-5-138-142

РАССУЖДЕНИЯ В.П. АСТАФЬЕВА О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ И СУДЬБЕ

© *Хава Нахаевна Темаева*

Чеченский государственный университет. г. Грозный, Россия

temaeva25@mail.ru

Аннотация. Проза В.П. Астафьева, одного из крупнейших русских писателей второй половины XX века является важным объектом научного исследования. Виктор Астафьев принадлежит к тем, кто не пытается в наше смутное время выступать в роли штатного пророка и политического ясновидца. Его творчеством интересуются самые широкие круги читателей. Сегодня особый интерес представляет, как исследование творческой эволюции писателя, так и осмысление литературно-художественного и философского контекста, в котором создавались астафьевские произведения. Проанализирована книга автора «Зрячий посох», посвященная другу Астафьева – А. Макарову. В упомянутой книге писатель размышляет о смысле жизни. Раздумьями о связях прошлого с настоящим, о непреходящих ценностях народной морали насыщено творчество В. Астафьева. Актуальность работы связана с тем, что всегда произведения о чести и долге, о честности и лжи являются неотъемлемой частью современной русской культуры.

Ключевые слова: В. Астафьев, А. Макаров, друг, критик, судьба, жизнь.

Для цитирования: Темаева Х.Н. Рассуждения В.П. Астафьева о смысле жизни и судьбе // Гуманитарные и социальные науки. 2021. Т. 88. №5. С. 138-142. doi: 10.18522/2070-1403-2021-88-5-138-142

PHILOLOGY

(specialty: 10.02.19)

Original article

V.P. Astafiev's reasoning on the meaning of life and fate

© *Khava N. Temaeva*

Chechen State University. Grozny, Russian Federation

temaeva25@mail.ru

Abstract. The prose of V. P. Astafiev, one of the largest Russian writers of the second half of the XX century, is an important object of scientific research. V. Astafiev belongs to those who do not try in our troubled times to act as a full-time prophet and political clairvoyant. His work is interested in the widest circles of readers. Today, of particular interest is both the study of the creative evolution of the writer and the comprehension of the literary, artistic and philosophical context in which V. Astafiev's works were created. It is analyzed the author's book "Sighted Staff", dedicated to V. Astafiev's friend – A. Makarov. In this book, the writer reflects on the meaning of life. Reflections on the connections of the past with the present, on the enduring values of folk morality, the work of V. Astafiev is saturated. The relevance of the work is due to the fact that always works about honor and duty, about honesty and lies are an integral part of modern Russian culture.

Key words: V. Astafyev, A. Makarov, friend and critic, fate, life.

For citation: Khava N. Temaeva V.P. Astafiev's reasoning on the meaning of life and fate. *The Humanities and Social Sciences*. 2021. Vol. 88. No 5. P.138-142. doi: 10.18522/2070-1403-2021-88-5-138-142

Введение

Творческое наследие В.П. Астафьева (1924-2002) наполнено тревогой за будущее родной страны, переживающей время всевозможных преобразований и грандиозных строек, исказивших лик православной Руси, за человека, потерявшего человеческое лицо, достоинство, совесть. «Астафьев призывает нас остановиться, всмотреться в свое лицо: куда ведет этот путь? Не от себя ли самого? А ведь счастье – в честности и преданности своим принципам, в умении любить, в простых человеческих радостях» [2, с.156]. В лучших

произведениях, написанных о деревне в 1960-1980-гг. («Прощание с Матерой» В. Распутина, «Царь-рыба В. Астафьева, «Кануны» и «Лад» В. Белова, «Крестьянский сын. И. Васильева, тетралогия Ф. Абрамова «Пряслины», цикл романов и повестей В. Личутина и др.), поставлены большие социально-философские проблемы. Авторы этих произведений исследуют высшие общечеловеческие ценности – нравственность, достоинство, благородство, патриотическое самосознание, созидательные основы психологии труженика, материнской любви сыновней верности, родственного внимания человека к человеку. Но, пожалуй, не менее, а более волнует главное – каким должен быть человек, чтобы приумножить духовные богатства, достигнутые народом, нацией, человечеством. Писателей волнуют проблемы: человек и Родина, личность и народ эпохи построения социалистического общества.

Какого бы периода в жизни деревни ни касались авторы далекого прошлого, революционных лет, Великой Отечественной войны или современности, какие бы жанровые и стилистические формы ни избирали – психологический роман, семейную хронику, лирическое воспоминание, документально-очерковое повествование, читатель постоянно улавливает писательскую озабоченность нравственными и историческими уроками происшедшего или происходящего. Борьба за высокое достоинство личности и совершенствование нашего общества становится пафосом лучших произведений о деревне. Судьбы деревни рассматриваются авторами с точки зрения судеб народной, трудовой, социально-нравственной и эстетической культуры, и шире – судеб нации. Этот очень важный аспект «деревенской прозы» последних десятилетий помогает лучше понять и ее значение в литературном процессе.

Обсуждение

В. Астафьев с тревогой говорит о невосполнимом уроне, который наносят не только природе, но и всему обществу люди, живущие лишь потребительскими интересами. В. Астафьев сразу понял, что литературное призвание может осуществиться только при условии тяжкого и повседневного труда по преодолению самоуверенности, что без фундаментального образования, пусть и запоздалого, в литературе делать нечего. Критик Александр Макаров был другом и учителем Виктора Астафьева. Его смерть потрясла В. Астафьева и он решил посвятить ему книгу. Известие о смерти друга, с которого начинается книга «Зрячий посох», привело В. Астафьева к таким вот горестным рассуждениям: «Как все-таки несправедливо устроена эта самая наша «небесконечная» жизнь. Сколько бесполезных, никому не нужных людей живет на свете, недоумков, хамов, убийц, дармоедов, воров, рвачей, а хорошего человека вот нашла смерть... Неужто это по-божески?» [1, с.263]. Здесь скорее видна попытка как-то разрешить не дающий покоя вопрос о смысле жизни, который без Бога никак не решается, хотя последний во многом и совершенно не прав. Зато вполне уверенно чувствовали себя два необходимых друг другу человека: писатель и его критик. Тогда, двадцать, тридцать лет назад, это еще было возможно. К тому же у А. Макарова и В. Астафьева оказалось так много несходного в характерах и биографиях, что им было интересно друг с другом и в чисто человеческом плане, и, конечно же, в литературном, где молодой писатель охотно отдавал первенство своему старшему другу.

Нынешние литераторы боятся таких взаимоотношений, и писатели часто боятся критики даже дружественной, даже в частной беседе. А ведь были времена, когда русская литература просто не могла существовать без печатных взаимоотношений Белинского и Гоголя, Добролюбова и Островского, Писарева и Тургенева. И это только самые знаменитые пары, а сколько было других, и как это было интересно, как двигало и литературу, и всю общественную жизнь, как не давало ей заглохнуть и замкнуться в своем тесном профессиональном кругу. И как редко это встречается в советском искусстве, вроде бы продолжающем великие традиции служения обществу, а не обстоятельствам. Приравнявая А. Макарова к мученикам, страдавшим вместо грешников, В. Астафьев не видит причин для столь жестокого наказания, каким стала для его друга смерть. Такова строгая логика, которая лежит в основе всего его творчества, развивавшегося под благотворным влиянием

прекрасного человека и критика, любившего и знавшего литературу глубоко и искренне, жившего в ней, считавшего ее своим призванием, но отнюдь не профессией, как это сплошь и рядом происходит нынче.

В. Астафьеву, по-видимому, человеку не очень общительному и постоянно страдающему от несовершенств окружающей его жизни, нужен был именно такой критик и такой человек для того, чтобы сверять с его мнением свои представления, свои мысли, свою боль и свои надежды. К такому выводу приходишь, прочитав «Зрячий посох», который, конечно, не ограничивается только этой информацией, а, как и положено в этом предельно раскрепощенном биографическом жанре, содержит множество других живых свидетельств о времени и о людях, с которыми поневоле приходится сталкиваться пишущему человеку. Неистребимая тяга к оценке своих современников, свойственная всем русским писателям, в принципе и является главным формообразующим моментом в подобного рода книгах. Именно из них мы чаще всего узнаем неофициальную, часто субъективную, но правду о людях, широко известных и потому интересных; людях, тщательно скрывающих от постороннего взгляда свои личные пристрастия и мнения. Среди них Константин Симонов, Александр Твардовский, а через густо цитируемые письма к автору А. Макарова – Фадеев, Ермилов и прочие не вполне положительные фигуры, так густо наследившие в нашей литературе.

Правда, сведения об этих последних будут вряд ли интересны молодому поколению, но для восстановления общего фона сведения о них, безусловно, необходимы, их не выбросишь ни из собственной биографии, ни из истории нашей многострадальной страны. Большинство из них не просто были отрицательными персонажами в сюжете нашей истории, но активными ее творцами, поскольку занимали весьма высокие посты, с которых имели возможность творить суд и расправу по своему усмотрению. Ибо все они были талантливейшими администраторами, прирожденными борцами с идеями во имя чего угодно, лишь бы уцелеть. Сам Астафьев, да и Макаров, не столь резки в своих оценках, и это понятно: одно дело обличать людей незнакомых и совсем другое – тех, с кем приходится в силу обстоятельств общаться самым непосредственным образом (взять хотя бы ситуацию, когда Ермилов и Макаров столкнулись на чисто служебном уровне в старой литературной газете).

Сознательно не урезая писем своего друга, очень часто ограничиваясь только краткими комментариями, В. Астафьев в конце концов делает свою книгу предельно увлекательной даже для человека, не имеющего нужды изучать историю советской литературы. Мы узнаем о зарождении замысла нового литературного произведения и постепенном его воплощении в литературную оболочку, знакомимся с прототипами героев, по, прежде всего, интересны разговоры на общедоступные темы. А такими у нас испокон веку были рассуждения о народе, о его судьбе, о роли интеллигенции, мысли о прошлом и будущем. Не новацией звучали тридцать лет назад слова Макарова: «Пока два мира существуют – аминь». Ни одна газета не обходилась тогда без подобной фразы, каждый пионер, знал, что пока нам противостоит мир капитала и насилия, мир чистогана и классовой ненависти, без Павликов Морозовых не обойтись. Мы все знали о несовершенстве нашей системы, мы все имели собственное мнение о генеральной линии нашей партии, но никто и в тайных мыслях не допускал, что двоемирие окончится так плачевно для самой передовой классовой теории и самого последнего слова в истории развития человечества. Правда, раньше мы готовились, исходя из приведенной формулы, к похоронам капитализма, теперь те же самое откровение приобрело совсем другой смысл, оставаясь по сути верным.

Есть в книге В. Астафьева и еще одна старая формула: «С появлением пусть относительного достатка обнаружили у нас и уродливые, нездоровые, дремавшие, нам казалось отмершие качества: зависть, нахрапистость, жадность». Не будем говорить о «достатке», с ним все ясно, но вот насчет «отмерших» – это явная дань тем самым идеологическим стереотипам, которые въелись в нашу плоть и кровь, в наши мозги и кости. От них нельзя уже избавиться усилием воли или другим каким способом, для этого нужны генетические изменения, нужны те самые сорок лет, которые водил свой народ по пустыне Моисей. Хотя наш народ в состоянии и сам предвидеть будущее.

Книгу свою В. Астафьев закончил в восемьдесят втором году, по происшествии нескольких лет после смерти друга и наставника, посоха своего духовного, открывшего ему на многое и многое глаза и в делах писательских, да и в житейских, потому как был старше и по призванию своему был учителем в самом чистом и высоком смысле этого слова. Долго не мог Астафьев приступить к книге, да и закончить удалось не сразу, хотя вроде бы с самого начала ясно было, о чем нужно писать. Но как писать о себе, о друге своем, если он не литературный герой, а живой, к тебе приросший, частью твоею остающийся и после смерти. Как переступить через смерть его, предав не земле, а бумаге? Писать панегирик – неудобно; предать гласности одну, только голую правду – кому она нужна, да еще голая; сделать акцент на себе – неловко; остаться беспристрастным – никто читать не станет. Много было сомнений, хотя решение лежало почти на поверхности, надо было только решиться на ту последнюю искренность, которая ждет нас в наш же последний час, или, как говорили встарь, на страшном суде, где про тебя известно абсолютно все и, тем не менее, надо говорить всю правду, всю до последнего вздоха.

Когда появилась первая журнальная публикация книги, то живые критики по устоявшейся традиции, предписывающей воздавать должное писателю не за труд его, а за ранг литературный, откликнулись вполне доброжелательно и объявили «Зрячий посох» одним из достижений текущей литературной жизни и быстро о нем забыли – их звали дела более важные, нежели разбор действительно заметного явления, позволяющего многое осмыслить и оценить, поскольку это ведь не просто долг памяти или мемуары, не просто разговор двух друзей, молящихся одному богу – литературе, а нечто еще и сверх того. Ведь именно это «сверх того» и привлекло к книге внимание читателей. Мне представляется, что «Зрячий посох» – книга порубежная, четко отграничивающая наши пятидесятые-шестидесятые и семидесятые от того, что началось через несколько лет после ее выхода в свет.

Все мы так прочно втянулись в ту рутинную, монотонную, скучную и спокойную жизнь, которую вспоминаем теперь со все усиливающейся тайной ностальгией, что уже начинало казаться, что ничего и не надо больше делать, все само собой придет к логическому концу, предсказанному классиками гениальной утопии, И только некоторые из некоторых предчувствовали какие-то подсознательные приступы беспокойства, только истинно талантливые писатели-провидцы спешили понять и осмыслить происходящее с ними и их современниками. «Пережив войну, Астафьев точно знал, что убаюкивающая безмятежность не может продолжаться вечно, тем более, что мир оставался расколотым и должен был либо погибнуть, либо воссоединиться в одно, отнюдь не однородное целое» [3, с. 82]. Он знал, что мир приближается к одному из своих последних рубежей и необходимо срочно, оттолкнувшись от прожитого, постараться заглянуть в будущее, чтобы хоть что-то там увидеть, чтобы хоть как-то к нему подготовиться, чтобы как-то на него повлиять.

Остановиться может только человек, бегающий по ресторанам, полностью удовлетворенный своим положением и тем самым отрубленный от самого себя, от своего призвания. И все это он выразил в одной фразе в конце книги, фразе простой и многозначительной, определяющей сознание целого поколения русской интеллигенции, всегда считавшей себя причастной к народной жизни, хотя народ ее об этом и не просил. Звучит она так: «Не просто из-за войны опустела наша исконная русская земля, ибо потери России не восполнены и невосполнимы... они будут продолжаться при таком браконьерском отношении к русскому народу и русской земле»[4, с.128].

Выводы

Трудно себе вообразить, сколько бумаги исписано, сколько чаю и прочих напитков в этой многострадальной России выпито во славу и защиту ее народа, без которого интеллигенции как будто и делать больше на этой земле нечего. И, несмотря на это, браконьерство все ширится, как и пропасть между этим самым народом - и этой самой интеллигенцией, никак не способной понять, что все будет продолжаться до тех пор, пока она не откажется от своей мессианской роли, уступив ее тому, кого распяли иудейские интеллигенты две тысячи

лет назад. Современные браконьеры не боятся никого, в том числе и народных заступников, которые за последние двести лет доказали свою полную безбидность. Их святая вера в силу печатного слова, в его способность вывести народ из тьмы к свету – одно из самых больших заблуждений в отечественной истории. И им как никогда нужен зрячий посох, опираясь на который они выйдут на верную дорогу и поймут, сколь мала их роль, сколь велик их вред, как горько они заблуждаются, неся слово мудрости чурающемуся их народу и малограмотным его пастухам. «Общество наше, самое демократическое и человеколюбивое в мире, тем не менее четко делится на классы и сословия, то есть имеются у нас низшие и высшие, привилегированные и отверженные, руководящие и подчиненные. Это система самовоспроизводящаяся и безысходная» [5, с.167].

Список источников

1. Астафьев В.П., Курбатов В.Я. Крест бесконечный. Письма из глубины России. Иркутск, издатель Сапронов. 2002. 510 с.
2. Гончаров Н.А. Творчество В. Астафьева в контексте русской прозы 1950-1990-х годов. Монография. М.: Высшая школа, 2003.
3. Ершов Л.Ф. Дорогой памяти: Виктор Астафьев. М.: Современник, 1984. 288 с.
4. Ланщиков А.П. Виктор Астафьев. М., 1992. 159 с.
5. Яновский Н.Н. Виктор Астафьев. Очерк творчества. М., 1982. 272 с.

References

1. Astafiev V.P., Kurbatov V.Ya. The cross is endless. Letters from the depths of Russia. Irkutsk, 2002.510 p.
2. Goncharov N.A. V. Astafiev's work in the context of Russian prose of the 1950-1990s. Monograph. M., 2003.
3. Ershov L.F. To dear memory: Victor Astafiev. M., 1984.288 p.
4. Lanshchikov A.P. Victor Astafiev. M., 1992.159 p.
5. Yanovsky N.N. Victor Astafiev. Sketch of creativity. M., 1982.272 p.

Статья поступила в редакцию 07.09.2021; одобрена после рецензирования 20.09.2021; принята к публикации 30.09.2021.

The article was submitted 07.09.2021; approved after reviewing 20.09.2021; accepted for publication 30.09.2021.